ИЗУЧЕНИЕ ГРЕЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВО ФЛОРЕНЦИИ ОТ БОККАЧЧО ДО МАНУИЛА ХРИСОЛОРА

© 2007 г.

П.А. Рязанов

Нижегородский государственный педагогический университет им. М. Горького

ascalon@hotbox.ru

Поступила в редакцию 20.02.2007

Статья посвящена важной составляющей гуманистической культуры Италии – изучению греческого языка и литературы. Начало этого процесса связано с деятельностью Боккаччо, благодаря которому во Флоренции появилась первая кафедра греческой словесности во главе с греком из Калабрии Леонтием Пилатом. Но непродолжительное преподавание Пилата не оказало на флорентийских гуманистов значительного влияния. Новый период в греческих штудиях итальянских гуманистов начался с прибытия во Флоренцию знаменитого византийского дипломата и ученого Мануила Хрисолора. За короткий период преподавания в университете (1397–1400) он сумел обучить студентов греческой грамматике и помог им выработать навыки перевода по смыслу. Это на долгие годы обеспечило Флоренции первенство в греческих штудиях в Италии.

Интерес ранних итальянских гуманистов к античной культуре совпал по времени с упадком и гибелью Византийской империи. Тем не менее, несмотря на бедственное экономическое и политическое положение, Византия сохраняла богатейший культурный потенциал и на заключительном этапе истории пережила значительный подъем интеллектуальной и духовной жизни, известный как Палеологовский Ренессанс. В течение последних веков и особенно в XIV столетии в империи наблюдались существенная интенсификация классических штудий и первые признаки западного влияния в области культуры. Для итальянских гуманистов Византия была хранительницей классического знания, для получения которого было два пути: приглашение греческих учителей в итальянские университеты или специальные поездки в Грецию для изучения языка и литературы.

Самый ранний, известный из источников пример путешествий из Италии на греческий Восток с образовательными целями может быть найден в письме Димитрия Кидониса, написанном к некоему аббату константинопольского монастыря осенью 1386 г. Кидонис, имевший продолжительные контакты с итальянцами, рекомендует своему адресату молодого человека из Милана, который хочет изучать греческий в столице. Из письма Кидониса следует, что этот образованный миланец считал источником латинской литературы сочинения греческой классики. Он имел определенные познания в философии Платона и Аристотеля, а также в произведениях греческих отцов церкви, таких как Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Хризостом [1]. Тем не менее этот интересный и важный факт растущего гуманистического стремления к греческой культуре и образованности, отмеченный, в частности, Ф. Кьянкой [2], достаточно часто упускается из виду учеными, называющими Гварино первым итальянцем, отправившимся в византийскую столицу для изучения языка и словесности.

Действительно, именно со времени появления в Италии Мануила Хрисолора поездки гуманистов в Константинополь и другие города Греции становятся наиболее заметными событиями. Прежде всего это был Гварино Веронезе, который, прожив несколько лет под покровительством семьи Хрисолоров, вернулся в Италию в 1410 г. с солидным багажом греческих рукописей. Впоследствии в письме к Леонелло д'Эсте от 1449 г., посвященном вопросу о существовании в древности общего латинского языка, одинаково понятного и доступного как простонародью, так и образованным людям, Гварино отмечал, что усвоение правильных грамматических норм связано прежде всего с повседневной практикой общения. Подобная ситуация была характерна как для латыни, так и для греческого, который, утверждал Гварино, являясь книжным языком, «осваивался не способом грамматиков, но из обиходной речи, поскольку мною было подмечено, что крестьяне и женщины, которые легче сохраняют древние обычаи неиспорченными из-за ограниченности их общения, разговаривают так, что кажется, будто читаешь или слушаешь Демосфена, Исократа, Ксенофонта или Платона» [3].

Далее Гварино вспоминает, как, погрузившись в атмосферу живого языка византийской столицы, он был очарован красотой греческой речи: «Когда в молодые годы я жил в Константинополе у Мануила Хрисолора, знаменитого философа, и его племянника Иоанна, моих самых любимых наставников, и когда после усвоения первооснов я поднялся на более высокую ступень обучения, то стал примечать, как говорят дети и женщины; я находил и в то же время удивлялся плавности языка и приятному звучанию голоса, придыханиям в словах, соблюдению правил ударения, изменениям падежей, временам глаголов, соединению двух или трех имен в одно, хотя и новое, но изумляющее благозвучием; столь значительна была эта воспринятая от родителей и земляков форма речи, далекой от нормы» [4].

Константинопольская школа Хрисолоров пользовалась известностью не только в Греции, но и за ее пределами. Еще до начала своих занятий во Флоренции Мануил Хрисолор обучал в Константинополе Роберто Росси и Якопо д'Анджело [5]. Франческо Филельфо, Пьер Паоло Верджерио и Леонардо Бруни стали учениками его племянника, Иоанна, а после смерти последнего в 1425 г. Филельфо около двух лет посещал занятия в школе Мануила Хрисолора, известного столичного грамматика и ритора. Здесь он познакомился с прославленными в будущем деятелями итальянского Возрождения – Виссарионом, Константином Ласкарисом и Иоанном Аргиропулом [6]. В течение 1435–1438 гг. хорошие знания греческого приобрел в столице другой итальянец, известный аретинский гуманист Джованни Тортелли, чья фундаментальная работа «De ortographia», над которой он трудился около десяти лет, является уникальным собранием грецизмов в латинском языке [7].

Существенные изменения в отношении к греческому классическому наследию стали заметны в Италии уже к середине XIV в., что было связано прежде всего с деятельностью Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо. Известно, что Петрарка брал уроки греческого языка у монаха василианского монастыря в Калабрии Варлаама, которого он встретил в Авиньоне в качестве византийского посла к Папе Бенедикту XII. Несмотря на то что Варлаам преподавал в Константинополе курс мистического богословия Псевдо-Дионисия Ареопагита [8], Петрарка не смог продвинуться в изучении языка дальше его первооснов. Тем не менее встреча в Вероне с послом императора Иоанна Кантакузина Николаем Сигеросом, произошедшая в 1348 г., только усилила его интерес к греческой культуре и особенно к Гомеру. Сигерос не только знал латынь, что было связано с его дипломатической практикой, но и обладал некоторыми познаниями в области латинской литературы. Однако гомеровская рукопись, присланная им для Петрарки, не была прочитана поэтом. По его собственному горькому признанию, он мог наслаждаться только созерцанием драгоценного подарка, часто обнимать его и восклицать, вздыхая: «О великий муж, как жадно тебя бы я слушал!» (quam cupide te audirem!) [9].

Проект латинского перевода Гомера, вероятно, был обсужден во время встречи Петрарки с Боккаччо, состоявшейся в Милане в 1359 г. После этого события Боккаччо пригласил во Флоренцию калабрийского грека Леонтия Пилата и поручил ему переводы гомеровских поэм. Впоследствии не без излишней гордости Боккаччо отмечал в своей «Генеалогии языческих богов»: «Сверх того я сам первым вернул за собственный счет книги Гомера и других греческих авторов в Этрурию… Я сам первым из латинян (primus ex Latinis) услышал от Леонтия "Илиаду" у себя дома (in privato); сверх того я сам добился того, чтобы гомеровские книги читались публично (ut legerentur publice Omeri libri)» [10]. Пилат переводил Гомера привычным для итальянского юга способом verbum ad verbum, который остро критиковался гуманистами XV в. Тем не менее латинские версии гомеровских поэм, как показал А. Пертузи, были настолько точны, насколько это было возможно во времена Пилата. Первые строки его перевода «Илиады» звучали следующим образом:

iram cane dea Pelidae Achillis
pestiferam quae innumerabiles dolores Achivis posuit,
multas autem robustas animas ad infernum antemisit... [11]

В итоге переводческой деятельности Пилата на Западе появились латинские прозаические версии «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, около четырехсот строк из «Гекубы» Еврипида и некоторые «Жизнеописания» Плутарха, перевод которых был сделан для Колуччо Салютати. Благодаря познаниям Леонтия Пилата, многие из которых были приобретены им на Крите, Боккаччо смог собрать греческий мифологический материал для написания

своего трактата «Genealogia deorum gentilium», который прославил необычайную ученость этого автора. В своем сочинении он стремился показать мифологию периода греческой классики, стараясь очистить ее от поздних христианских приращений [12]. Усилиями того же Боккаччо во Флорентийском университете возникла первая кафедра греческой словесности, во главе которой был поставлен Пилат, преподававший язык с 1360 по 1362 г. за ежегодное жалование в 100 флоринов, которое выплачивала ему синьория [13]. Информация о качестве этого непродолжительного обучения скудна. После того как в 1362 г. Пилат прекратил свое преподавание в университете, не имевшее, очевидно, значительного влияния, кафедра длительное время оставалась незанятой, пока к концу столетия на ней не зажглась звезда другого греческого ученого – Мануила Хрисолора.

Известный в Италии как византийский дипломат и учитель, который у себя на родине смог самостоятельно овладеть латынью, Хрисолор прибыл во Флоренцию в феврале 1397 г. по личному приглашению канцлера синьории Колуччо Салютати в качестве преподавателя греческой словесности. Флорентийский studium фактически стал первым западноевропейским учебным заведением, в котором стали проходить регулярные занятия в области греческого языка и литературы. Именно появление во Флоренции такой значительной фигуры, как Мануил Хрисолор, следует считать поворотным моментом в истории греческих штудий Италии. К сожалению, речь, произнесенная им по случаю начала занятий во Флоренции, не сохранилась, в отличие от более поздних вступительных речей, принадлежащих его соотечественникам Феодору Газе и Димитрию Халкокондилу [14].

Первой проблемой, которую следовало решить Мануилу Хрисолору, была нехватка греческих текстов, адаптированных для начального обучения языку. Этот недостаток он постарался восполнить составлением собственного учебного пособия, названного им Ἐρωτ**Ζ**ῶματα, т.е. «Вопросы». Манера изложения основ языка в виде вопросов и ответов восходила к поздневизантийским грамматикам Мануила Мосхопула и Максима Планула, доказавшим свою эффективность, однако учебник не был приспособлен для самостоятельного изучения языка. Он был написан по-гречески без сопровождающих латинских разъяснений и лишен текстов для чтения [15]. Эти недостатки были учтены Гварино Веронезе, который впоследствии переработал Ἐρωτ**Ζ**ῶματα Хрисолора, снабдив их собственными латинскими дополнениями и комментариями («Erotemata Guarini cum multis additamentis et cum commentaries Latinis»). Показательно, что учебник Хрисолора обеспечивал известность автору и после его смерти. Он был напечатан около 1471 г., после чего неоднократно переиздавался [16]. Среди тех, кто использовал его грамматику уже за пределами Италии, следует назвать Иоганна Рейхлина и Эразма Роттердамского [17].

Вероятнее всего, в процессе обучения Хрисолор опирался на византийскую технику «схедографии», использовавшуюся в ученой среде. После разделения текста на небольшие, в несколько строк фрагменты на полях или в виде междустрочных записей шло комментирование или перефразирующее объяснение каждого отрывка, содержащее его синтаксический и морфологический анализ. Это приводило к чередованию каждого фрагмента первоначального текста со «схедографическим» пассажем. Используя в преподавании данную технику, Хрисолор скорее всего начинал с громкого чтения отрывков из древних авторов, повторяя его затем с классом, после чего следовал подробный разбор прочитанного с использованием информации византийских схолий [18]. В отличие от схоластических переводчиков, переводивших методом ad verbum [19], Хрисолор старался выработать у своих студентов навыки перевода по смыслу, ad sententiam transferre, уделяя внимание передаче стилистических особенностей текста. Он отмечал, что следует тщательно и с любовью изучить текст, обсудить его точное значение, а затем, избегая буквального изложения и не изменяя греческих идиом, постараться лучше передать смысл [20]. Один из его учеников, Ченчо де Рустичи, сопровождавший Хрисолора на собор в Констанце, оставил следующее свидетельство о методе работы учителя: «Говорил Мануил, человек без всякого сомнения богоподобный, что перевод на латинский слово в слово значит крайне мало, ибо утверждал, что он не только неблагозвучен, но иногда даже полностью искажает греческую мысль. Вместо этого он требовал переводить труд по смыслу при том условии, что те, кто выполняют такую работу, установили бы для самих себя правило никоим образом не изменять особого греческого значения, ведь если кто-то, желая изъясняться перед своей аудиторией яснее и понятнее, изменит какое-либо особое греческое

значение, он станет выполнять обязанность не переводчика, но комментатора» [21].

Базу для первых гуманистических переводов составили манускрипты с сочинениями Демосфена, Фукидида, Плутарха и Платона, которые Хрисолор передал некоторым из учеников [22]. С помощью своих студентов византийский учитель приступил к латинскому переводу платоновского «Государства». Тем не менее ввиду занятости учителя работа не была доведена до конца, и византиец рекомендовал перевести сочинение в более свободной манере одному из своих учеников, Уберто Дечембрио, версия которого впоследствии также была исправлена его сыном, известным гуманистом Пьетро Кандидо [23]. Другой работой, заинтересовавшей Хрисолора как переводчика, стала птолемеевская «География», рукопись которой была привезена им во Флоренции и позднее вошла в коллекцию Палла Строцци [24]. Перевод этого сочинения был выполнен позднее в 1406–1410 гг. его учеником Якопо д'Анджело [25].

Вдохновленные греческими занятиями Хрисолора, его студенты стали интенсивно переводить на латинский античных авторов и произведения греческой патристики. Особый интерес вызывали у гуманистов работы Плутарха, который, по мысли Хрисолора, наиболее успешно соединил пространство между греками и римлянами [26]. В числе прочих его «Жизнеописания» переводились Джованни Гварино и Леонардо Бруни, а содержащиеся в них примеры личных и гражданских добродетелей рассматривались гуманистами как образцы, достойные эмуляции. Особая важность придавалась индивидуальному стилю автора. В предисловии к новому переводу аристотелевской «Этики» Бруни отмечал, что взялся за этот труд не потому, что прежде не было сделано переводов, но потому, что эти переводы были такими, «что казались скорее выполнены варварами, нежели латинянами» [27]. Далее следует резкая критика известного схоластического переводчика второй половины XIV в. Гийома из Мербеке, который обвиняется Бруни в плохом знании как греческих, так и латинских сочинений, поскольку «и греческий во многих местах он скверно понимает (multis in locis male accipit) и латинский переводит по-детски и неучено (pueriliter et indocte)» [28]. Гуманист стремился облагородить латинского Аристотеля. С использованием прежних схоластических версий Бруни перевел аристотелевские сочинения по логике, «Риторику», «Этику» и «Политику», стараясь донести до читателя стиль речи и манеру рассуждения философа. Порой это приводило к очень свободной передаче текста и критиковалось некоторыми сторонниками прежних схоластических методов перевода, например, испанским епископом Бургоса Алонсо Гарсией. В своем трактате против Бруни он отмечал, что «в философии слова не должны становиться пространными без их ограничения (sine freno), так как вследствие ненадлежащего употребления слов ошибка постепенно прибавляется к самому содержанию» (error ad ipsas res paulatim accrescat) [29]. Средневековые и гуманистические переводы в некоторых случаях просуществовали довольно долго, используемые одновременно преподавателями и учеными в течение XV и XVI в., однако первые часто подвергались более или менее существенному пересмотру. По убеждению Кристеллера, основанному на изучении средневековых версий Платона и Прокла, гуманисты намного превзошли своих предшественников в знании классического греческого языка в отношении его словаря и синтаксиса, фразеологии и стиля [30].

Несмотря на то что первостепенное значение для Хрисолора имели деятели античной классики, вероятно, он затрагивал в преподавании и некоторые произведения патристической литературы, в частности обратив внимание Бруни на небольшое, еще не переведенное сочинение Василия Великого «Слово к христианской молодежи о пользе чтения языческих книг». При этом не следует исключать, что рекомендации Хрисолора могло предшествовать и непосредственное обращение к Бруни Колуччо Салютати, нуждающегося в переводах отцов церкви для лучшей аргументации своей защиты studia humanitatis от критики противников [31]. Трактат св. Василия «Ad adolescents» был очень важным для дальнейшего распространения греческих штудий памятников раннехристианской литературы. В этом сочинении, написанном для своего племянника, но адресованном всему молодому поколению, св. Василий указывал на важность изучения светской греческой литературы, лучшие образцы которой являются источником нравственных добродетелей и внешней мудрости христиан, подготавливая их к изучению собственно Св. Писания. Во введении к своему переводу Бруни обрушивается на противников нового гуманистического образования, обвиняя их в малодушии, испорченности, медлительности

ума, а главное, в нетерпимости [32]. Не удивительно, что трактат Василия Кесарийского, признававшего, хотя и с ограничением, высокую ценность языческих авторов, превратился в мощное средство для оправдания гуманистической тяги к античному наследию. Доказательством тому служат более чем три сотни копий, сделанные с перевода Леонардо Бруни.

Огромной заслугой Мануила Хрисолора было то, что в сравнительно короткий период своей преподавательской деятельности во Флоренции, которую он навсегда покинул уже в марте 1400 г., византийский учитель дал толчок дальнейшей популяризации греческого языка в Италии, со временем распространившейся и на другие центры гуманистической культуры. Оценку флорентийских занятий Хрисолора много лет спустя дал в своем письме Баттиста Гварино, возблагодаривший тот праздничный день, когда византийский учитель достиг итальянских берегов. «Кто же прежде мог именоваться хорошо образованным и по-настоящему эрудированным? Кто читал Цицерона, или Вергилия, или иного прекрасного поэта или оратора? Кто бы знал о деяниях римских принцепсов, описанных Плутархом, если бы не пришло благодеяние Мануила? Кто, наконец, был бы сведущ в особенностях латинского языка? Поистине, после того как он сам посвятил наших людей в свое учение, мы увидели, как много существовало [мужей] красноречивейших и просвещеннейших в отношении ораторского искусства. Хотя в настоящие времена мы замечаем сведущих людей, которые ведут начало от его учения, наподобие бьющих повсюду ключей красноречия, мы должны признать справедливым, что даже само это красноречие и наши гуманистические занятия, которые [прежде] уже пришли в упадок, ожили стараниями Мануила» [33]. Показательно, что греческие штудии рассматривались итальянцами как необходимое и очень важное средство в изучении латинской словесности, которая во многом опиралась на более старшую традицию Graecarum litterarum. Поэтому Баттиста замечает, что именно после того как Хрисолор обучил их греческой литературе, «от которой, как утверждает Квинтилиан, проистекает и наша, мы стали по-настоящему понимать латинскую и, узнавая её, начали ею заниматься и возвращать обратно к жизни» [34]. Преподаванием языка были заняты теперь и некоторые из учеников Хрисолора, как, например, Роберто Росси, обучавший, в частности, Козимо и Лоренцо Медичи, или Джованни Гварино, который основал в Ферраре собственную школу, а также читал лекции для университетских студентов о греческих поэтах.

После своего отъезда из Флоренции Хрисолор находил себя не только в дипломатические делах, но и в гуманистических занятиях: он обучал греческому в Константинополе, Падуе, Павии и Милане, возможно, давал частные уроки в Венеции [35], а во время своего пребывания в Риме (1411–1413) получил себе в ученики папского секретаря Паоло де Рустичи. В итоге его «римских прогулок» им были написаны знаменитые письма, в которых Хрисолор выражал свое восхищение созидательным гением древних и сопоставлял памятники двух христианских столиц, объединенных общим римским прошлым [36]. Смерть Хрисолора в апреле 1415 г., заставшая его на соборе в Констанце, стала тяжелой утратой для многих итальянских гуманистов [37], однако своими трудами этот византийский учитель сумел подготовить почву для нового этапа изучения греческого языка и литературы, которое было продолжено его учеными соотечественниками, прибывшими в Италию по его следам.

Список литературы и примечания

1. Demetrius Cydones. Correspondance / Ed. R.J. Loenertz. Citta del Vaticano. 1960. V. 2. Ep. 360. – P. 304–305.

2. Kianka F. Demetrios Kydones and Italy // Dumbarton Oaks Paper. 1995. V. 49. – P. 109.

3. Epistolario di Guarino Veronese: raccolto, ordinato, illustrato da Remigio Sabbadini. V. 1–2. – Venezia, 1916. V. 2. – P. 509.

4. Ibid. P. 509.

5. Weiss R. Jacopo Angeli da Scarperia (c. 1360–1410/11) // Medioevo e Rinascimento: Studi in onore di B. Nardi. Firenze, 1955. V. 2. – P. 806–808.

6. Diller A. The Textual Tradition of Strabo's Geography. Amsterdam, 1975. P. 105; Wilson N.G. From Byzantium to Italy: Greek Studies in the Italian Renaissance. – L., 1992. – P. 42.

7. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). – СПб., 2000. – С. 194–196, 397.

8. Geanakoplos D.J. Constantinople and the West: Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissances and the Byzantine and Roman Churches. Madison, 1989. – P. 9.

9. Pertusi A. Leontio Pilato fra Petrarca e Boccaccio. Le sue versioni omeriche negli autografi di Venezia e la cultura greca del primo Umanesimo. – Venezia–Roma, 1964. – P. 18.

10. Ibid. P. 20.

11. Ibid. P. 205. См. также: Reynolds L.D., Wilson N.G. Scribes and Scholars: a Guide to the Transmission

of the Greek and Latin Literature. – Oxford, 1974. – P. 130; Wilson N.G. Op. cit. P. 4.

12. Pertusi A. Op. cit. P. 35, 433–437.

13. Brucker G. A. Florence and Its University, 1348–1434 // Action and Conviction in Early Modern Europe. Essays in Memory of E.H. Harbison / Ed. T. K. Rabb and J. E. Seigel. – Princeton, 1969. – P. 231–233; Pertusi A. Op. cit. P. 17–18.

14. Текст вступительной речи Газы «Oratio de Litteris Graecis» опубликован в: Mohler L. Aus Bessarions Gelehrtenkreis: Abhandlungen, Reden, Briefe von Bessarion, Theodoros Gazes, Michael Apostolios, Andronikos Kallistos, Georgios Trapezuntios, Niccolo Perotti, Niccolo Capranica. – Padeborn, 1942. V. 3. – S. 253–259. Дискурс Димитрия Халкокондила см.: Geanakoplos D.J. Byzantium: Church, Society and Civilization Seen through Contemporary Eyes. – Chicago–L., 1984. № 330. – P. 444–445; idem. Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330–1600). – New Haven–L., 1976. – P. 254–264, 296–304.

15. Об Ἐρωτ**Ζ**ῶματα Хрисолора см.: Wilson N.G. Op. cit. P. 9–10, 42.

16. Catalogue of Books Printed in the XVth Century Now in the British Museum / Ed. A. Pollard, V. Scholderer. Lithographic Reprint. – London–Oxford, 1963. T. V. – P. 668, 690.

17. Opus Epistolarium Des. Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen et H.W. Garrod. – Oxonii, 1906. T. I. №. 233. – P. 473; Reynolds L.D., Wilson N.G. Op. cit. P. 131.

18. Geanakoplos D.J. Constantinople and the West… P. 8–10; 77.

19. О средневековых переводах с греческого см.: Fryde E. The Early Palaeologan Renaissance (1261– c. 1360). – Leiden, 2000. – P. 103–143; Haskins C.H. Studies in the History of Medieval Science. – Cambridge, 1924. – P. 141–241; Verbeke G. Guillaume de Moerbeke et sa Methode de Traduction // Medioevo e Rinascimento… V. 2. – P. 779–800.

20. Vacalopoulos A.E. Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period, 1204–1261. – New Brunswick–New Jersey, 1970. – P. 240; Wilson N.G. Op. cit. P. 11–12; Хартман Г.М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма // Византийский временник. 1959. Т. 15. – С. 111–112.

21. Ferebat Manuel, homo sine ulla dubitatione divinus, conversionem in latinum ad verbum minime valere, nam non modo absurdam esse asseverabat, verum etiam interdum graecam sententiam omnino pervertere. Sed ad sententiam transferre opus esse aiebat hoc pacto, ut ii, qui huiusmodi rebus operam darent, legem sibi ipsis indicerent ut nullo modo proprietas graeca immutaretur; nam si quispiam, quo luculentius apertiusque suis hominibus loquatur, aliquid graecae proprietatis immutarit, eum non interpretis sed exponentis officio uti (Weiss R. Op. cit. P. 821–822).

22. Bolgar R.R. The Classical Heritage and Its Beneficiaries. – Cambridge, 1954. – P. 469, 483, 485, 492.

23. Garin E. Ricerche sulle Traduzioni di Platone nella prima meta del sec. XV // Medioevo e Rinascimento… V. 1. – P. 341–357; Wilson N.G. Op. cit. P. 20–21.

24. Nelson R.S. The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca. 1200–1450 // Dumbarton Oaks Paper. 1995. V. 49. – P. 218–219.

25. Weiss R. Op. cit. P. 811–812, 819–824, 820.

26. Geanakoplos D.J. Constantinople and the West… P. 12; Weiss R. Op. cit. P. 810–811, 819–827.

27. Leonardo Bruni Aretino. Humanistisch-Philosophische Schriften. Mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe / Ed. Hans Baron. – Leipzig–B., 1928. – S. 76.

28. Ibid. S. 76–77.

29. Birkenmayer A. Vermischte Untersuchungen zur Geschichte der Mittelalterlichen Philosophie: Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Text und Untersuchungen. – Münster, 1922. – S. 169. См. также: Geanakoplos D.J. Constantinople and the West… P. 5, 12, 39; Siegel J.E. The Teaching of Argyropulos and The Rhetoric of The First Humanists // Action and Conviction… P. 247–248.

30. Kristeller P.O. Renaissance Thought and Its Sources. – N. Y., 1979. – P. 148.

31. Schucan L. Das Nachleben von Basilius Magnus

STUDY OF GREEK LITERATURE IN ITALY FROM BOCCACCIO TO MANUEL CHRYSOLORAS

P.A. Ryazanov

Studies of the Greek language and literature were an important component of Italy's humanistic culture. This process began in connection with the activity of Boccaccio who contributed to the establishing in Florence of the first chair of Greek literature headed by Leontius Pilatus, a Greek from Calabria. However, the period when Pilatus taught at the University of Florence was too short to have any significant influence on Florentine humanists. A new stage in the Greek studies began with the arrival in Florence of a well-known Byzantine diplomat and scholar Manuel Chrysoloras. During a short period of his teaching (1397–1400), he managed to train his students in Greek grammar and helped them to develop the skills of translation according to the sense. This ensured Florence's superiority in Greek studies in Italy for quite a long time.

«Ad adolescents». Ein Beitrag zur Geschichte des christlichen Humanismus. – Geneve, 1973. – S. 67–72. См. также: Wilson N.G. Op. cit. P. 14–16.

32. Schucan L. Op. cit. S. 66–67.
33. Ep. di Guarino. V. 2. P. 588.
34. Ibid.
35. Geanakoplos D.J. Greek scholars in Venice. Studies in the dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe. – Cambridge, 1962. – P. 28.
36. Patrologiae Cursus Completus. Series graeca / Ed. J.P. Migne. T. 156. Col. 24–58.